

Сергей Секиринский
доктор исторических наук

О НАШЕМ РАЗДВОЕННОМ ПРОШЛОМ

Размышляя над причинами крушения демократической России в 1917 году и обращаясь в связи с этим к общей проблеме кризиса демократических институтов в Европе после первой мировой войны, видный русский философ права Павел Новгородцев писал, что на смену ожиданию грядущего торжества демократии как панацеи от всяких бед пришло видение демократии как «распутья», «опушки леса, с неизвестно куда расходящимися тропинками». Отсюда следовал жесткий вывод: «Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общества, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни». Эта мысль, наверное, еще более актуальна теперь, чем в 20-е годы, когда она была высказана на русском языке почти в пустоту. Но и сейчас, на мой взгляд, российское общество пытается решать проблему своей духовной идентичности не столько в поисках Абсолюта, сколько в поисках Прошлого, хотя одно, конечно, совсем не исключает другого. Вопрос — в приоритетности поисков.

Откуда мы родом? Куда идем? Еще сравнительно недавно проблема *исторической* идентичности решалась просто: в официальной картине дальнего прошлого одни исторические фигуры были искусственно выхвачены из реки времени и «*вопреки течению*» приближены к рубежам современности, дру-

гие же, наоборот, нарочито забыты, а сама современность плавно уходила в историю «новейшей» эпохи, поскольку весь советский цикл воспринимался не столько в категориях прошедшего *исторического* времени, сколько в представлениях о *текущей* и *торжествующей* жизни с ее неперенными «вчера», «сегодня» и «завтра». Да и тот «советский период», о котором уже много писали историки, все-таки легко укладывался в рамки судеб нескольких *живущих* поколений «большой» семьи. Согласно схеме, знакомой советским людям со школьной скамьи, их *деды* и *отцы* создавали эту современность, незаметно перетекающую в историю, а *сыновьям* и *внукам* предстояло ее крепить, достраивать, развивать... Разлом, пришедшийся на рубеж 1980–1990-х годов, прервал это плавное течение современности, внезапно и навсегда ставшей *советским прошлым*. Новая современность, часто именуемая лишь от противного, застала многих врасплох, словно подводя черту под их жизнью или отрывая от нее большую или меньшую часть. Те, у кого сохранились иллюзии первых строителей «земного рая», писавших историю *с чистого листа*, заговорили об «очернительстве» неудавшегося «черновика». Но история, как и природа, не терпит «пустоты». Вместо отринутого на время прошлого к границам современности начало подниматься другое. Как и предсказывал Георгий Федотов, притягательный образ давно «утонувшей» Империи стал всплывать «со дна царскосельских озер».

Одна из характерных примет современного официального «историзма» — *разнобой* среди наших центральных ведомств в составлении своих родословных и в праздновании памятных годовщин. Эту ситуацию можно определять по-разному: «никто не забыт и ничто не забыто»; «все *они* теперь у нас под рукой» или «кому что ближе, то и любо». Кому, например, старинные петровские генерал-прокуроры, а кому «отцы-основатели» ВЧК! Феномену двух радикальных модернизаций в минувшем веке мы обязаны рождением и феномена *двух прошедших времен* в современном историческом языке, двух исторических прошлых, зачастую *равноудаленных* от текущего дня (или *равноприближенных* к нему) в субъективной человеческой памяти. Реставрация

легко уживается с Революцией в нашем сознании, как и на киноэкране михалковские юнкера — с михалковскими же чекистами и комиссарами.

Для восстановления нормального исторического континуитета, видимо, действительно нужен глубокий синтез и новый национальный канон, нужна и система скреп (свобода—государственность—культура—религия), о чем много размышляли еще независимые русские интеллектуалы пореволюционных лет. В то же время, не пора ли нам избавиться, наконец, и от навязчивого комплекса детей самого «новейшего» времени, «тех, кто родом из Февраля, Октября или Августа», обратившись, с учетом лимита предлогов и суффиксов для выражения превосходной степени, к пониманию *Современности* как исторической длительности, уходящей корнями в эпоху европейского Просвещения. Тогда одной из зримых точек отсчета истории современной России станет не очередной революционный год или месяц, а, с одной стороны, явление фигуры Сперанского, завещавшего нам идеалы правового государства и гражданского общества: с другой — рождение *нового* русского литературного языка и *зрелой* национальной словесности, воплощенных Пушкиным и другими писателями его эпохи. С этим наследством, может, не пропадем.